

Кто-то должен

Меня зовут Василий Куксов. Мне 30 лет, я работаю инженером-конструктором. Женат, вместе мы более 10 лет. В свободное время участвовал в волонтерских проектах помощи питомникам для животных, ходил в турпоходы и пел в филармонии. Суд даст мне от 5 до 10 лет строгого режима, потому что следователю ФСБ Валерию Токареву приказано считать, что я – террорист. Для того чтобы я согласился с их обвинением, меня избили. Я не террорист, поэтому я не согласен с этим обвинением. За это мне дадут еще БОЛЬШОЙ срок. Я буду защищать свои честь и достоинство в суде, но шансов у меня нет.

Меня зовут Юлий Бояршинов. Мне 27 лет, я работаю промышленным альпинистом и учусь в ИТМО на инженера-физика. У меня есть близкая подруга. В свободное время я помогал с проведением ярмарки по бесплатному обмену одеждой для малоимущих, организовывал городские субботники с отдельным сбором мусора и путешествовал. Суд даст мне от 5 до 10 лет строгого режима, потому что следователю ФСБ Геннадию Беляеву приказано считать, что я – террорист. Для того чтобы я согласился с их обвинением, меня избили, а затем поместили в так называемую пресс-хату – камеру на 150 человек, в которой содержатся насильники, убийцы и грабители. Я не террорист, поэтому я не согласен с этим обвинением. За это мне дадут еще БОЛЬШОЙ срок. Я буду защищать свои честь и достоинство в суде, но шансов у меня нет.

Меня зовут Арман Сагынбаев. Мне 26 лет. Я предприниматель – у меня был свой ресторан здорового питания в Санкт-Петербурге. У меня была девушка. В свободное время занимался чтением, путешествиями и лечением – болен я неизлечимо. Суд даст мне от 5 до 10 лет строгого режима, потому что следователю ФСБ Валерию Токареву приказано считать, что я – террорист. Моя девушка была вынуждена стать беженцем и покинуть страну за день до задержания – ФСБ обещало пустить ее по кругу и отрубить руки, а потом прижечь, чтобы я был сговорчивее. Для того чтобы я согласился с их обвинением, меня избили, пытали электрическим током. В страхе за свою жизнь, за жизнь и здоровье девушки я был вынужден подтвердить на допросах версию следствия и оговорить себя и других. Меня продолжали пытаться, ограничивая доступ к жизненно необходимым лекарствам.

Когда я узнал, что моя девушка в безопасности, я принял решение заявить о применившихся ко мне пытках и отказаться от собственных показаний, данных вследствие пыток. Я не террорист, поэтому я не согласен с этим обвинением. За это мне дадут еще БОЛЬШОЙ срок. Я буду защищать свои честь и достоинство в суде, но шансов у меня нет. С высокой вероятностью могу сказать, что вследствие заболевания до следующей встречи с девушкой я не доживу.

Меня зовут Виктор Филинков. Мне 23 года, я работаю программистом-разработчиком. Я женат. В свободное время я занимался робототехникой, преподаванием и путешествиями. Суд даст мне от 5 до 10 лет строгого режима, потому что следователь ФСБ Геннадий Беляеву приказано считать, что я – террорист. Для того чтобы я согласился с их обвинением, меня избили и пытали электрическим током. В страхе за свою жизнь я был вынужден подтвердить на допросе версию следствия и оговорить себя. Вскоре я понял, что пытки были нужны оперативникам для того, чтобы я дал показания. Суд не рассматривает никакие другие показания, только признательные. Пытки доказать невозможно. Однако я не террорист, поэтому я не согласен с этим обвинением. За это мне дадут еще БОЛЬШОЙ срок. Я буду защищать свои честь и достоинство в суде, но шансов у меня нет.

Меня зовут Михаил Кульков. Мне 23 года. Я закончил колледж, получив специальность повар-технолог. Затем я отслужил в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации. Я хотел открыть точку по продаже шаурмы. Суд даст мне от 5 до 10 лет строгого режима, потому что следователь ФСБ Валерий Токарев считает, что я – террорист. Я не террорист, поэтому я не согласен с этим обвинением. За это мне дадут еще БОЛЬШОЙ срок. Я буду защищать свои честь и достоинство в суде, но шансов у меня нет.

Меня зовут Андрей Чернов. Мне 29 лет. Я учился на физико-математическом факультете Пензенского педагогического факультета и работал слесарем-сборщиком на заводе. В свободное время я занимался муай-тай, выступал на соревнованиях и увлекался программированием. Суд даст мне от 5 до 10 лет строгого режима, потому что следователю ФСБ Валерию Токареву приказано считать, что я – террорист. Для того чтобы я согласился с их обвинением, меня избили. Я не террорист, поэтому я не согласен с этим обвинением. За это мне дадут

еще БОльший срок. Я буду защищать свои честь и достоинство в суде, но шансов у меня нет.

Меня зовут Максим Иванкин. Мне 25 лет. Я работал на стройках Пензы и хотел открыть свой ресторан. В свободное время увлекался путешествиями. Суд даст мне от 5 до 10 лет строгого режима, потому что следователю ФСБ Валерию Токареву приказано считать, что я – террорист. Для того чтобы я согласился с их обвинением, меня избили. Под давлением следствия после задержания я был вынужден признать вину, так как все силовики убеждали меня, что так будет лучше для меня и для других. Впоследствии, осознав обман, я отказался от своих показаний. Я не террорист, поэтому я не согласен с этим обвинением. За это мне дадут еще БОльший срок. Я буду защищать свои честь и достоинство в суде, но шансов у меня нет.

Меня зовут Дмитрий Пчелинцев. Мне 26 лет. Я отслужил в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации, после чего стал работать инструктором по спортивной стрельбе. Я женат. В свободное время я занимался спортом, в том числе связанным со своей профессией, музыкой, путешествовал и участвовал в экологических инициативах своего города. Суд даст мне от 15 до 20 лет строгого режима, потому что следователю ФСБ Валерию Токареву приказано считать, что я организовал несуществующее террористическое сообщество «с целью раскачать народные массы во время Чемпионата Мира по футболу путем взрыва мавзолея». Для того чтобы я согласился с их обвинением, меня избили, подвешивали вниз головой, пытали электрическим током. Я был вынужден оговорить себя. Впоследствии поддержка родных и близких помогла мне прийти в себя. Я заявил о применявшихся ко мне пытках и отказался от показаний. После чего ко мне вновь пришли сотрудники ФСБ во главе со следователем Валерием Токаревым и вновь пытали электрическим током. Сотрудники ФСБ обещали изнасиловать мою жену и убить меня. Я вновь согласился с предъявленными обвинениями, заявив по требованию сотрудников ФСБ, что предшествовавшее заявление о пытках я дал с целью ухода от уголовной ответственности. Шло время, общественная кампания по нашему задержанию дошла до своего апогея и я повторно отказался от своих первых показаний, не признал вину. Я не террорист, поэтому я не согласен с этим

обвинением. За это мне дадут еще больший срок. Я буду защищать свои честь и достоинство в суде, но шансов у меня нет.

Меня зовут Илья Шакурский. Мне 22 года. Я студент 4 курса факультета физико-математических и естественных наук Педагогического института им. Белинского Пензенского государственного университета. Обучался на военной кафедре и планировал стать офицером Вооруженных Сил РФ. У меня есть девушка. В свободное время я занимался спортом, музыкой и участвовал в экологических инициативах города. Суд даст мне от 15 до 20 лет строгого режима, потому что следователю ФСБ Валерию Токареву приказано считать, что я организовал несуществующее террористическое сообщество «с целью раскачать народные массы во время Чемпионата Мира по футболу путем взрыва мавзолея». Для того чтобы я согласился с их обвинением, меня избили, пытали электрическим током и предоставили адвоката Михаила Григоряна, который склонял меня к признанию вины в том, чего я не совершал и делал без моего разрешения официальные заявления, расходящиеся с моей позицией. Я был вынужден оговорить себя в страхе за свою жизнь и здоровье. Но поддержка родных и близких помогла мне найти в себе силы. Я заявил о применявшихся ко мне пытках и отказался от показаний. В ответ сотрудники ФСБ вместе с сотрудниками телеканала НТВ оказывали давление на мою мать и мать Армана Сагынбаева. Я не террорист, поэтому я не согласен с этим обвинением. За это мне дадут еще БОЛЬШОЙ срок. Я буду защищать свои честь и достоинство в суде, но шансов у меня нет. Я это знаю, что, но я готов стоять до конца за свою честь, свободу и любовь моих близких. Кто-то ведь должен.

Они называют нас «Сеть». Обвиняя нас в том, что мы имели неосторожность придерживаться политических взглядов, не всегда соответствующих официальной линии. Некоторых из нас знали другие участники процесса – поэтому их выделяют в организаторы. Некоторых знали не все, поэтому их выделяют в участники. В участников террористического сообщества, не имеющего единых взглядов в политике и религии. Нас называют террористами, но мы отрицали и отрицаем насилие как способ решения. К сожалению, жизнь учит нас, что насилие органов власти в отношении лиц, не имеющих в этих органах связей, является единственно работающей схемой человеческих взаимоотношений. Что им доступно любой абсурд воплотить в реальность, как то: группу лиц, имеющих семьи и любимых жен,

работу и образование, отслуживших в армии, обвинить в терроризме, назвать черное – белым, свободу – рабством, мир – войной. Утопия утопит нас. Но мы не погибнем зазя – а 5-20 лет в российской тюрьме сравни погибели без шансов на дальнейшее трудоустройство и нормальное возвращение в общество. Мы будем отстаивать то, чего у нас нет ради достижения того, чего нельзя достигнуть. Нас пытали в мирное время по нормам военного за то, что кто-то из нас называл себя антифашистом, кто-то экозащитником, а кто-то был просто с нами знаком. Мы стали жертвами примера отсутствия ответственности в эшелонах власти – наши заявления о пытках так и не были расследованы и расследованы не будут до тех пор, пока это не прикажет Президент. Но мы не Васильева, укравшая миллионы из Министерства Обороны, нас никто не выпустит. Потому что кто-то должен сидеть в этой стране. И точно не проворовавшиеся чиновники, точно не коррумпированные представители силовых структур, точно не авторы антинародных законов о повышении пенсионного возраста. Сидеть будем мы. И мы будем сидеть и бороться за то, чтобы в России стало меньше пыток. За то, чтобы в России появилась система демократических противовесов – как во власти, так и в силовых структурах. За то, чтобы наших матерей и отцов не ставили в один ряд с матерями подонков, захвативших Норд-Ост, взорвавших дома в Москве и Волгодонске и захвативших школу в Беслане.

Отказываемся от данных ранее показаний ввиду применения пыток для их получения. Вину не признаем. Инженер, промышленный альпинист, предприниматель, программист, предприниматель, слесарь, строитель, тренер, студент.

P.S.: «Если я гореть не буду

Если ты гореть не будешь,

Если мы гореть не будем,

Кто тогда рассеет тьму?» (студент)

Кто-то ведь должен.

Заявления фигурантов дела «Сети», подвергнувшихся пыткам, подтверждаю

Светлана Пчелинцева, мать Дмитрия Пчелинцева